

Пётр Фарфудинов

Город Грешников и Остров Порочных Наслаждений

Пётр Фарфудинов

**Город Грешников и Остров
Порочных Наслаждений**

«Автор»

2026

Фарфудинов П.

Город Грешников и Остров Порочных Наслаждений /
П. Фарфудинов — «Автор», 2026

«Город Грешников. Остров Порочных Наслаждений» Два мистических романа о том, как вседозволенность сталкивается с древним правосудием океана. В первом рассказе пятеро олигархов устраивают на проклятом острове охоту на бездомных. Деньги и власть кажутся им вечными, но остров помнит каждую каплю крови, а океан пробуждается, чтобы вершить суд. Рыбак Пабло, потерявший семью, становится орудием возмездия. Во втором — новый инвестор, прикрываясь эко-проектом, организует сеть похищений и торговли органами. Но у города есть хранители — Алексей Громов и Селена Ривера. Они призывают тени, чтобы обнажить правду. Расплата настигает даже тех, кто купил закон. Две истории, одно предупреждение: совесть нельзя подделать, а океан не прощает

© Фарфудинов П., 2026

© Автор, 2026

Пётр Фарфудинов

Город Грешников и Остров Порочных Наслаждений

Город Грешников и Остров Порочных Наслаждений

Пролог: Шепот Прибоя

Город Санта-Крус-дель-Сур никогда не спал. Он пульсировал в такт с океаном, но этот пульс был лихорадочным, болезненным. Огни неоновых вывесок отражались в черной воде залива, превращая ночь в вульгарный карнавал. Здесь, на Золотом побережье, где пальмы гнулись под соленым ветром, а белый песок казался сахарным, люди платили любые деньги за право забыть о правилах.

Они съезжались сюда со всего мира: бизнесмены, бежавшие от налогов, актрисы, ищущие забвения в кокаине, политики, торгующие совестью, и просто богатые бездельники, для которых жизнь стала слишком пресной. Город стал их игровой площадкой, где закон был лишь досадной помехой, а совесть — атавизмом.

Но океан помнил. Он помнил времена, когда на этом месте были священные рощи индейцев, когда земля дышала иначе. Он шептал о грядущем возмездии, но люди слышали лишь шум волн, заглушаемый музыкой из открытых баров. Они не знали, что в глубине вод, под слоем ила, дремлет древнее зло, которое питается человеческой алчностью.

И однажды ночью, когда в особняке на Утесе Скорпиона раздался выстрел, тишина нарушилась не просто так. Это был сигнал. Город Грешников открыл свои объятия для тех, кто пришел собирать долги.

Рай для Падших

Лукас Морено стоял на балконе своего пен хауса «Атлантис Тауэр» и смотрел на город, как Бог смотрит на муравейник. Он был королем этого муравейника. Ему принадлежали лучшие отели, ночные клубы и, по слухам, половина городского совета. Его состояние исчислялось миллиардами, но он не чувствовал ничего, кроме глухой пустоты, которую пытался заполнить алкоголем и властью.

— Лукас, ты меня слышишь? — раздался капризный голос из гостиной.

Это была Лина, его третья жена, бывшая фотомодель с глазами, лишенными мысли, но полными желания. Она стояла в прозрачном пеньюаре, демонстрируя тело, которое стоило ей двух пластических операций в год.

— Я слышу, — ответил он, не оборачиваясь. — Что тебе нужно?

— Я хочу вечеринку. Сегодня. На яхте.

— У нас вечеринка каждую ночь, Лина. Это называется «жизнь».

— Нет, я хочу, чтобы было *круто*. Чтобы все завидовали.

Лукас усмехнулся. Зависть была единственной валютой, которую понимали эти люди. Он повернулся и посмотрел на нее. В ее глазах он видел ту же пустоту, что и в своем отражении. Рядом с ними, на диване, развалился его «лучший друг» — Марко Де Лука. Марко был его тенью, человеком, который решал «деликатные вопросы»: от подкупа судей до запугивания конкурентов.

— Какая яхта? — лениво спросил Марко, не отрываясь от своего айпада. — «Ариана»? Или спустим новую, «Сирену»?

— «Сирену», — решил Лукас. — Пусть все видят, что мы можем себе позволить даже ту, что еще не обкатана.

В этот момент в его кармане завибрировал телефон. Он взглянул на экран: неизвестный номер. Лукас сбросил вызов. Он не любил неизвестность. Но телефон завибрировал снова. И снова. Раздраженный, он ответил.

— Слушай...

— Мистер Морено, — голос в трубке был странным, искаженным, будто говорили через слой воды. — Вы забыли о своих обещаниях. Срок истек.

— Кто это? Что за чушь?

— Море помнит, Лукас. Оно придет за своим.

Связь оборвалась. Лукас почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он выругался и швырнул телефон на диван. Лина и Марко уставились на него.

— Что случилось? — спросил Марко, привставая.

— Идиоты какие-то. Шутники, — пробормотал Лукас, но в душе заскребло беспокойство. Он взглянул на океан. Тот был непривычно спокоен, как зеркало, и в этом спокойствии чудилась угроза.

В чайном домике на набережной, спрятанном за пальмами и цветущими бугенвиллиями, сидел Элиас Блэк. Он был адвокатом, но здесь, в Санта-Крус-дель-Сур, его называли «Дьяволом». Он брался за любые дела — от разводов до оправдания убийц, если цена была правильной. Но сегодня он смотрел на папку с документами, и руки его слегка дрожали.

В папке было дело о пропавших без вести. Пять человек за последний год. Все они были связаны с кругами Лукаса Морено. Все они исчезли в полнолуние. Официально — утонули, сбежали, покончили с собой. Но Элиас знал правду. Он сам помогал замечать следы.

— Выпейте, мистер Блэк, — сказала официантка, ставя перед ним джин с тоником. — Вы бледны.

Он кивнул, но не притронулся к стакану. Вместо этого он открыл ноутбук и начал набирать письмо. Он хотел уехать. Бежать из этого проклятого места, где солнце светило слишком ярко, словно пытаясь выжечь грехи. Но в тот момент, когда он нажал «отправить», экран ноутбука погас, и на черном фоне проступили слова, выведенные белыми буквами:

«Ты продал душу. Расписка действительна».

Элиас вскочил, опрокинув столик. Посетители обернулись. Но он смотрел только в окно. Там, на пляже, стояла фигура в черном плаще. Лица не было видно, но фигура медленно подняла руку и помахала ему. Как старому другу.

Селена Ривера была единственным человеком в городе, который помнил, что такое стыд. Она работала в городской библиотеке — старом здании, которое чудом уцелело среди стеклянных небоскребов. Она была дочерью рыбака, который когда-то учил ее, что океан — это не только источник дохода, но и священное место.

Она видела, как город менялся. Как приезжие вытесняли местных, как совесть продавалась за бокал шампанского. Ее отец пропал год назад. Официально — шторм. Но она знала, что он видел что-то в ту ночь, что-то связанное с яхтой «Ариана».

Селена сидела в библиотеке за старой пишущей машинкой, пытаясь составить дневник событий. Она знала, что это опасно. Но у нее больше не было ничего, кроме правды.

В библиотеку вошла группа туристов. Они смеялись, громко разговаривали, трогали старые книги грязными пальцами. Одна из женщин, накрашенная, в бриллиантах, подошла к Селене.

— Девочка, покажи нам, где тут эротика. Мы хотим чего-то *остренького*.

Селена посмотрела на нее. В глазах женщины была скука. Скука сытого хищника.

— Эротика в вашей душе, мадам, — тихо сказала Селена. — Но там, судя по всему, пусто.

Женщина опешила. Ее спутники засмеялись, но в смехе не было веселья. Селена знала, что наживает себе врагов, но она чувствовала, что должна дать им знать: они не хозяева этого города. Пока еще нет.

Поздно вечером, когда библиотека закрылась, Селена вышла на набережную. Прилив начал подниматься. Вода лизала ступени старого пирса, который когда-то был центром рыбной торговли, а теперь служил укрытием для наркоманов. Она смотрела на воду и вдруг заметила странное свечение — зеленоватое, призрачное, идущее из глубины.

Это был не планктон. Свечение двигалось ритмично, как дыхание. И Селена услышала голос. Тот же голос, что она слышала в ночь исчезновения отца.

— *Они заплатят, дочь. Капля за каплей. Кровь за кровь.*

Вечеринка на яхте «Сирена» удалась на славу. Лукас любил эти моменты, когда вокруг него толпились люди, готовые на всё ради его улыбки. На борту было человек двести: топ-модели в купальниках с кристаллами, звезды YouTube, снимающие сторис о прекрасной жизни, и теневые дельцы, обсуждающие сделки под шум волн.

Лина была в центре внимания. Она танцевала на столе, разбрызгивая шампанское. Марко сидел в углу с каким-то азиатским инвестором, обсуждая новую схему отмывания денег через NFT.

Лукас стоял у борта, глядя на луну. Она была огромной, кроваво-красной. Такое бывает, когда в атмосфере много пыли. Но Лукасу казалось, что она слишком близко.

— Мистер Морено? — к нему подошел стюард с серебряным подносом. — Вам письмо. Его доставили в порт, когда мы отчаливали.

Лукас взял конверт. На нем не было марки, только его имя, написанное каллиграфическим почерком. Он вскрыл его. Внутри был высушенный морской конек и записка: «*Ты играешь с морем. Оно всегда выигрывает*».

Он сжал бумагу в кулаке и выбросил за борт. Но холодок, который он почувствовал днем, вернулся. Он оглянулся на вечеринку: безудержное веселье, разврат, пьяные крики. Это было то, что он создал. Его мир. Но он вдруг ощутил себя чужим в этом мире.

Внезапно музыка оборвалась. Зашипели динамики. Раздался хриплый, леденящий душу звук, похожий на скрежет металла, а затем — голос:

— *Вы забыли о законе. Но закон настигнет вас здесь. Воды сомкнутся над вами.*

Свет моргнул и погас. Яхта замерла, лишившись двигателей. В наступившей темноте, прорежаемой лишь лунным светом, началась паника. Кто-то кричал, кто-то прыгал в воду.

Лукас бросился в рубку, но двигатели не реагировали. Он выглянул в иллюминатор и замер: вода вокруг яхты светилась тем самым зловещим зеленым светом, и в этом свете он видел лица. Лица тех, кого он уничтожил, кого купил, кого предал.

— Это просто массовый психоз! — заорал он, пытаясь заглушить страх.

Но Марко схватил его за плечо. Лицо Марко было белым, как мел.

— Лукас, там, в воде... — прошептал он. — Там что-то есть. Оно поднимается.

Из воды, прямо рядом с яхтой, начала подниматься фигура. Она была сделана из воды, но в ней угадывались человеческие черты. Огромные глаза, смотрящие с укором. И эти глаза смотрели прямо на Лукаса.

Фигура подняла руку, и волна, неестественная для этого штиля, накрыла палубу, смывая людей за борт.

Утром новости облетели весь мир: в акватории Санта-Крус-дель-Сур затонула супер-яхта. Найдено 15 тел. 200 пропали без вести. Лукас Морено был найден на пустынном берегу в двух милях от города — живой, но его глаза были открыты, и он не мог говорить. Врачи поставили диагноз «ката тонический ступор».

Город впервые за долгие годы замер в ужасе. Магазины закрылись. Туристы спешно покидали отели.

Но Селена знала, что это только начало. Она сидела в библиотеке, просматривая старые архивы. Она нашла документы XIX века, где говорилось о проклятии, которое местные индейцы наложили на конкистадоров, устроивших резню на месте будущего города. Прокля-

тие гласило: *«Если ваши души станут чернее океанской бездны, море поднимется и смоев ваши грехи».*

Она поняла, что время пришло. Но проклятие не было слепым. Оно искало справедливости. И оно использовало того, кто верил в эту справедливость.

Селена почувствовала тяжелый взгляд. Она обернулась. В дверях стоял пожилой индеец, которого она никогда раньше не видела. Его лицо было изрезано морщинами, как кора старого дерева. Он держал в руках ракушку.

— Ты слышишь голоса, девочка, — сказал он. — Ты избрана.

— Избрана для чего?

— Чтобы стать голосом моря. Чтобы указать им на их пути. Но знай: сила солоня. Она может сжечь тебя изнутри, если ты поддашься гневу.

Он протянул ей ракушку. Когда Селена, взяла её, она почувствовала электрический разряд, пробежавший по телу. В голове зашумел прибой, и она увидела: Элиас Блэк, адвокат, пишет завещание. Марко Де Лука пытается сбежать на частном самолете. Лина, жена Лукаса, в истерике сжигает документы в камине.

Она видела всех. И знала, как они умрут.

Час Расплаты

Лукас лежал в своей частной клинике, подключенный к капельницам. Его тело было здесь, но разум блуждал в темноте. Он снова переживал крушение, но в его кошмаре он не был жертвой. Он был тем самым существом из воды. Он чувствовал, как океан пульсирует в его венах, как он может управлять волнами, вызывать штормы. Это ощущение могущества было опьяняющим.

В палату вошел доктор Рейес, его личный врач. Но когда он подошел к кровати, Лукас открыл глаза. Его зрачки расширились, занимая почти всю радужку. Они были черными.

— Ты здесь, доктор, — голос Лукаса звучал с призывком, будто говорили двое. — Ты лечил меня годами. Ты знаешь, чем я дышал.

Доктор попятился.

— Лорд Лукас... это я... я всего лишь врач...

— Ты брал деньги. Ты покрывал мои пристрастия. Ты давал лекарства моим врагам, чтобы они спали вечно. — Лукас медленно поднялся с кровати, иглы выпали из его вен. — Ты плыл по течению. Значит, ты утонешь вместе с этим течением.

Он протянул руку, и доктор начал задыхаться, будто его горло сжали невидимые тиски. Он упал на колени, хрипя. Лукас смотрел на него без жалости. Он чувствовал, как в нем пробуждается что-то древнее, голодное. И это «что-то» было довольноно.

Элиас Блэк стоял на крыше своего офиса, глядя на панораму города. Документы о недвижимости были проданы. Счета опустошены. Он был готов к бегству. Но куда бежать, если океан окружает тебя со всех сторон?

Он услышал шаги. Обернулся. На крыше стояла Селена. В руке она держала ту самую ракушку. Она была спокойна, но в ее глазах горел холодный огонь.

— Мистер Блэк, — сказала она. — Вы оправдали убийцу моей сестры. Вы заставили суд поверить, что это был несчастный случай. Вы взяли деньги за ложь.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — прохрипел он, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Ты знаешь, — прошептала Селена. — И море знает.

Она поднесла ракушку к уху, и Элиас услышал шепот сотен голосов. Он узнал голоса своих клиентов, которых он предал. И в этот момент из его кармана выпал тот самый конверт с морским коньком. Земля под его ногами дрогнула — здание начало сотрясаться.

— Это землетрясение! — заорал он.

— Нет, — ответила Селена. — Это море пришло за своей распиской.

Крыша раскололась, и Элиас провалился вниз, в темноту, где его встретили руки, сделанные из воды.

Марко Де Лука мчался по серпантину, ведущему к частному аэродрому. Он не жалел шин. Он видел, что творится в городе: паника, хаос, вода поднимается с невероятной скоростью, заливая набережные. В новостях говорили о цунами, но Марко знал — это не стихия. Это месть.

Рядом с ним в машине сидела Лина. Она была пьяна и истерична.

— Марко, мы умрем! Мы все умрем!

— Заткнись! — рявкнул он. — Мы улетим. У меня есть деньги, есть вертолет.

— А что насчет Лукаса? Он же наш друг!

Марко рассмеялся горьким смехом.

— Друг? Лукас теперь — чудовище. Ты видела его? Он убил доктора Рейеса. Просто взглядом.

Машина вылетела на взлетное поле. Вертолет стоял наготове. Пилот нервно курил, оглядываясь на небо, которое стало неестественно зеленого цвета.

— Быстро! — закричал Марко, выскакивая из машины.

Они побежали к вертолету. Но не успели они подняться в воздух, как из-под земли, из бетона взлетной полосы, начали пробиваться струи воды. Вертолет завалился на бок. Вода обвила шасси, словно живые щупальца.

Лина закричала. Марко попытался вытащить пилота, но пилот исчез — его втянуло в бурлящую воду, которая текла прямо по бетону.

Марко повернулся к Лине. Ее глаза расширились от ужаса. И он увидел за ее спиной фигуру Лукаса. Лукас стоял на крыле упавшего вертолета, его тело все еще было человеческим, но он парил в воздухе, не касаясь земли.

— Марко, — сказал Лукас голосом, в котором слышался плеск волн. — Ты продал меня ради сделки с конкурентами. Ты подставлял меня, чтобы занять мое место.

— Это неправда! — завопил Марко.

— Море не лжет. Оно читает мысли.

Лукас поднял руку, и Марко начал задыхаться. Вода хлынула из его рта, заполняя легкие. Он упал на колени, а Лукас перевел взгляд на Лину.

— Ты же любила меня? — прошептал он.

— Да, я... — начала она.

— Ты любила мои деньги. Ты спала с каждым, кто был выше меня. — Его голос стал жестким. — Но я тебя не убью. Ты останешься здесь. В этом городе. Ты будешь помнить.

Лину скрутило судорогой, и она потеряла сознание. Лукас исчез, растворившись в воздухе, оставив лишь запах соли.

Город был парализован. Уровень воды поднялся на два метра. Улицы превратились в каналы, по которым плавали трупы и обломки роскошных яхт. Над городом нависла тишина, нарушаемая лишь криками выживших и странным гулом, доносящимся из глубины океана.

Селена шла по затопленным улицам. Вода расступалась перед ней. Она чувствовала себя проводником, медиумом между миром живых и миром мертвых. Она видела призраков тех, кто погиб в этом городе за последние сто лет. Они указывали ей путь к центру, где концентрировалась сила.

Она вошла в здание мэрии. Там, в большом зале заседаний, она нашла выживших членов городского совета. Они дрожали от страха, молились, хотя никогда не верили в Бога.

— Помогите нам! — закричал мэр. — Что нам делать?

Селена подошла к трибуне. Она достала ракушку и положила на стол.

— Город был построен на костях невинных. Вы забыли об этом. Вы построили храм разврата на священной земле. — Ее голос эхом разнесся по залу. — Море требует жертвы. Но не вашей жизни. Вашей гордыни.

Она махнула рукой, и водная стена ворвалась в зал, но не тронула людей. Вода обтекла их и застыла, создав зеркальную гладь на полу. В этой глади они увидели свои отражения — не такие, какими они были, а такими, какими их видело море: алчными, пустыми, гнилыми.

— Смотрите на себя, — сказала Селена. — Запомните этот миг. Если вы выживете, если город выживет, вы должны помнить: ваша свобода закончилась там, где начинается чужое страдание.

Лукас стоял на самом верху маяка — старого, заброшенного, который когда-то указывал путь рыбакам, а теперь служил лишь прибежищем чаек. Океан бушевал вокруг, но маяк стоял непоколебимо. Сюда поднялась Селена.

— Лукас, — позвала она.

Он обернулся. В его глазах плескалась бездна. Она видела, что человеческое в нем почти угасло.

— Ты пришла остановить меня? — спросил он. — Поздно. Я — часть этого. Я — тот суд, которого они заслужили.

— Ты не суд, — твердо сказала Селена. — Ты такой же грешник, как и они. И море использует тебя. Ты думаешь, что ты сильный, но ты всего лишь орудие. Когда все закончится, оно уничтожит и тебя.

Лукас засмеялся, но в смехе слышалась боль.

— Я хотел, чтобы они заплатили. За каждый удар, за каждую ложь, за каждую проданную душу. Разве это не справедливо?

— Справедливость не в смерти, — сказала Селена, подходя ближе. — Справедливость в том, чтобы они видели, что они сделали. Страдание — плохой учитель. Оно учит только ненависти.

Она протянула ему ракушку.

— Слышишь?

Лукас замер. Он услышал не гнев, не рев шторма. Он услышал плач. Плач своей матери, которую он бросил в нищете ради денег. Плач своей первой любви, которую он предал. Плач детей, которые жили в трущобах, пока он строил свои отели.

Вода вокруг маяка начала успокаиваться. Зеленое свечение стало тускнеть. Лукас упал на колени, держась за голову. Человеческое в нем боролось с божественным или демоническим.

— Я не могу... это слишком больно... — застонал он.

— Боль — это единственное, что у нас осталось, чтобы помнить, что мы люди, — сказала Селена. — Борись, Лукас. Не дай океану забрать тебя целиком.

Она коснулась его лба, и в этот момент бесконечная мощь океана хлынула через нее, пытаясь выжечь его душу, но она держалась. Она впитывала эту боль в себя.

Рассвет встретил город странной тишиной. Вода отступила, оставив после себя грязь, разрушения и мертвую рыбу на улицах. Но небо было чистым.

Селена стояла на коленях рядом с Лукасом на вершине маяка. Она была истощена до предела, но жива. Лукас дышал. Его глаза снова были человеческими, хотя в них застыла вечная печаль.

— Что ты сделала? — спросил он, глядя на нее.

— Я разделила бремя, — прошептала она. — Я взяла часть твоей тьмы. Но она не исчезла. Она теперь во мне.

Она чувствовала голоса — тысячи голосов утопленников, которые шептали ей на ухо, умоляя о покое. Она знала, что никогда не будет прежней.

Они спустились в город. Спасатели уже работали. Люди выходили из укрытий. Многие плакали, обнимая друг друга. Город Грешников лежал в руинах, но это были руины очищения.

Лина бродила по пляжу, одетая в грязное платье. Она видела лица мертвых в каждой луже, и это свело ее с ума. Она будет жить долго, но каждый день будет адом.

Мэр и совет дали обещание восстановить город, но уже не как «зону вседозволенности», а как обычный прибрежный город.

Прошел месяц. Город медленно, но верно восстанавливался. Исчезли неоновые вывески с призывами к пороку. Открылись приюты и центры помощи.

Лукас Морено продал все свои активы и передал деньги в фонд помощи пострадавшим семьям. Он больше не носил дорогих костюмов. Он ходил в простой рубашке, помогая разбирать завалы, носить еду и строить новые дома.

Селена стала хранительницей библиотеки. Но она была не просто библиотекарем. Люди приходили к ней за советом, за исцелением. Она не изгоняла призраков, она учила людей жить с ними, помня о прошлом, но не позволяя ему управлять собой.

Однажды вечером Лукас пришел к ней.

— Я слышу их, — признался он. — Иногда по ночам. Шепот. Но он уже не такой злой.

— Они хотят, чтобы их помнили, — ответила Селена. — Ты должен помнить. Мы все должны.

Они стояли на старом пирсе, глядя на закат. Океан был спокоен. Золотые лучи солнца касались воды, превращая ее в расплавленное золото.

— Что теперь? — спросил Лукас.

— Теперь — жить по совести, — просто ответила Селена. — Это самая трудная задача. Беззаконие легко. А совесть требует силы.

Она посмотрела вдаль и увидела, как в лучах заката, на горизонте, мелькнула прозрачная фигура, похожая на ту, что была в воде. Но она не угрожала. Она махала им рукой, словно прощаясь.

Это был дух океана. Он уходил в глубину, унося с собой накопленную боль, оставляя людям шанс на искупление.

Эпилог: Предупреждение

Рукопись этой истории была найдена в сейфе старой библиотеки спустя пятьдесят лет. Город Санта-Крус-дель-Сур снова стал процветающим курортом, но в каждом отеле висела табличка: «Живи по совести. Море помнит».

Те, кто выжил в ту ночь, никогда не рассказывали подробностей. Лишь иногда, когда ветер дул с океана, можно было услышать странный шепот, напоминающий людям о том, что вседозволенность — это дорога в бездну. И эта бездна всегда открыта. Всегда ждет.

Конец.

Чужой Грех

Пролог: Билет в один конец

Дарас Сидорасович Фильчуков смотрел в иллюминатор самолета, летящего на Канарские острова с пересадкой в Мадриде. Под ним простиралась Россия — бесконечная, снежная, равнодушная. Он оставлял её навсегда. И не жалел.

В руках он сжимал дипломат, в котором лежали паспорт на чужое имя, три кредитные карты и флэшка с компроматом на его бывших коллег. В кармане пиджака — билет на частную яхту из Испании в Латинскую Америку. Конечная цель была экзотической: Санта-Крус-дель-Сур. Город без законов, город, где его прошлое не имело значения.

Фильчуков был главным анестезиологом в элитном московском медицинском центре "Вип-Здоровье". Официально — высококлассный специалист. Неофициально — он был тем человеком, который решал "щекотливые" вопросы для очень богатых клиентов. Немного лишнего снотворного в капельнице для неугодного наследника. "Ошибка" в дозировке для конку-

рента. Или, наоборот, продление агонии, чтобы успеть оформить завешание на нужного человека.

За 15 лет работы он стал призраком смерти. Бесшумным, чистым, не оставляющим следов. И всё это время он считал себя неуязвимым. До тех пор, пока один из его "пациентов" не выжил. Сын олигарха, которому Дарас поставил "смертельную" дозу инсулина, оказался диабетиком с аномально высоким порогом чувствительности. Он выжил и заговорил.

Фильчуков сжег документы, перевел деньги на криптосчета и исчез за 12 часов до того, как в его квартиру ворвался спецназ. Он бежал не от правосудия. Он бежал от мести. Он знал, что российские законы мягче, чем гнев отца того самого мальчика.

Самолет пошел на снижение. За иллюминатором блеснула гладь океана, а затем показались огни города — яркие, вызывающие, словно нарисованные на черном бархате ночи.

— Добро пожаловать в рай, — ухмыльнулся Дарас, поправляя галстук.

Он не знал, что этот "рай" уже пережил Апокалипсис всего полгода назад. И что местные жители, выжившие в ту ночь, научились распознавать зло по запаху.

Отель "Пальмовый Сад" выглядел как дешевая открытка: белые стены, пальмы, бассейн с бирюзовой водой, вид на океан. Дарас снял номер на месяц, заплатив наличными. Администратор, молодой парень с испанской внешностью, даже не спросил паспорт. Таковы были правила этого города: деньги решают всё.

На пляже было пустынно. После недавнего цунами туристы боялись сюда соваться. Но для Дараса это было идеально. Он хотел тишины, чтобы перевести дух и продумать дальнейший план.

Он снял пиджак, закатал рукава рубашки и вышел на балкон. Город дышал свежестью, но Дарас чувствовал в этом воздухе что-то ещё — электричество, напряжение. Как перед грозой.

— Сеньор Фильчуков? — раздался голос за спиной.

Он резко обернулся. В дверях стоял невысокий мужчина в белом льняном костюме. Его глаза были странного, болотного цвета, а улыбка — слишком широкой для случайного знакомого.

— Я не заказывал гостей, — холодно сказал Дарас.

— Меня зовут Элиас Блэк, — мужчина вошел в номер, не дожидаясь приглашения. — Я адвокат. И я знаю, кто вы. Вернее, кем вы были в России.

Дарас побледнел. Его рука инстинктивно потянулась к карману, где лежал маленький скальпель — профессиональная привычка.

— Не дергайтесь, — мягко сказал Элиас. — Я здесь не чтобы шантажировать. Я здесь, чтобы предложить вам работу.

— Какую работу?

— В нашем городе умер главный врач муниципальной клиники. Утонул во время того самого "цунами". — Элиас усмехнулся, как будто знал, что цунами было не совсем природным явлением. — Городские власти ищут специалиста. Квалифицированного. Не задающего вопросов. Мне сказали, что вы — идеальный кандидат.

Дарас расслабился. Он понял, что его репутация обогнала его. Здесь, в этом логове порока, его навыки были востребованы как никогда.

— Какие условия? — спросил он, присаживаясь в кресло.

— Жалованье в десять раз выше среднего. Отдельная квартира в центре. Полная анонимность. И, самое главное, — Элиас наклонился вперед, — вы будете решать, кто достоин жить, а кто нет. Здесь это называется "проверка медицинского ресурса".

Клиника "Милосердие" была выстроена в колониальном стиле, но внутри напоминала скорее бункер. Пахло хлоркой и страхом. Дараса встретила главная медсестра, высокая мексиканка по имени Роза. Она смотрела на него с подозрением.

— Доктор Фильчуков, — произнесла она, протягивая халат. — Мы слышали о ваших методах. У нас тут пациенты нервные. Многие потеряли близких во время шторма.

— Шторм — это стихия, — отрезал Дарас. — Моя задача — лечить тела. За душами идите к священникам.

Он прошел в операционную, где его ждал первый "пациент" — пожилой мужчина, один из членов городского совета. Аппендицит. Обычная операция. Но Дарас, проверяя историю болезни, заметил пометку: "Отказ от анестезии по этическим соображениям". Он усмехнулся. Этические соображения в городе, где полгода назад было совершено массовое убийство? Смешно.

Он сделал укол. Немного сильнее обычного. Мужчина заснул и не проснулся. Остановка сердца во время операции. Непредвиденная реакция на препарат. Роза, ассистировавшая ему, побледнела, но промолчала. Дарас понял, что здесь работает система "глаза закрыты", если знаешь нужных людей.

Через неделю Дарас решил исследовать город. Он бродил по узким улочкам, заходя в бары, слушая разговоры местных. Все шептались о "той ночи", о зеленом свечении, о девушке-библиотекаре, которая спасла город.

— Селена Ривера, — произнес бармен, наливая Дарасу виски. — Она теперь святая для нас. Видела, что творится, и остановила проклятие.

— Проклятие? — Дарас насмешливо поднял бровь. — Вы верите в сказки?

— Я верю в то, что видел своими глазами, — ответил бармен, и в его взгляде мелькнул страх. — Вы новый доктор? Будьте осторожны. Город помнит всё.

Дарас допил виски и вышел. Он направлялся в библиотеку. Ему было интересно взглянуть на эту Селену. Может быть, она просто ловкая мошенница, пользующаяся всеобщим страхом.

Библиотека была старой, заставленной стеллажами, пахло пылью и сухими травами. За столом сидела женщина. Не молодая и не старая. В её глазах была такая глубина, что Дарас на мгновение замер.

— Доктор Фильчуков, — сказала она, не поворачиваясь. — Я знала, что вы придете.

— Откуда? — удивился он.

— Ветер приносит запахи. Ваш пахнет мертвецами, — спокойно ответила Селена, поворачиваясь к нему. — Вы убили человека в России. И вы убили человека здесь, в этой клинике. Вы думаете, что вы умнее всех. Но море видит вас насквозь.

Дарас почувствовал, как холод пробежал по спине. Он не привык к тому, что его раскусили.

— У вас богатое воображение, мадам, — выдавил он.

— Нет. Просто я умею слушать, — она подняла ракушку, лежащую на столе. — Хотите послушать? Прямо сейчас, здесь?

Он хотел отказаться, но его ноги приросли к полу. Селена поднесла ракушку к его уху. И он услышал: крики своих жертв, их предсмертные хрипы, молитвы, которые они шептали, когда он вводил им смертельный препарат. Он услышал голос мальчика, того самого, который выжил: "Зачем, дядя?"

Дарас отшатнулся, выбив стул. Он смотрел на Селену с ужасом, которого не испытывал никогда в жизни.

— Что вы... что вы за существо? — прошептал он.

— Я просто человек. В отличие от вас. Но я говорю не с вами. Я говорю с вашим "даром". Он станет вашим проклятием здесь.

Она встала и подошла к нему. Её голос стал мягче.

— Уезжайте, пока не поздно. Или изменитесь. Другого выхода нет. Город не прощает тех, кто играет в Бога.

Дарас выбежал из библиотеки, как ошпаренный. Он бежал по набережной, пока не уперся в ограду и не посмотрел в воду. Океан был черным и глубоким. И в этом черном отражении он увидел не свое лицо, а лица своих жертв.

Но бежать Дарас не мог. Его эго, его амбиции не позволяли ему отступить. Вместо того чтобы уехать, он решил уничтожить Селену. Расправиться с ней, чтобы никто не знал его секретов.

Он начал собирать информацию. Он выяснил, что у Селены есть слабое место — её старая мать, которая жила в пригороде. Через пару недель он тайно посетил её дом, представившись добровольцем из Красного Креста. Мать Селены, добрейшая старушка, поверила ему и выпустила.

— Ваша дочь храбрая женщина, — сказал Дарас, наливая себе чай. — Но она слишком много на себя берет.

— Она видит то, чего не видим мы, — ответила мать. — Это дар от океана.

— Или проклятие, — усмехнулся Дарас.

Он оставил в доме крошечный жучок — подслушивающее устройство. Через несколько дней он планировал "аварию" в доме, чтобы выкрасть мать и использовать её как рычаг давления на Селену. Но в ту же ночь случилось нечто странное.

Дарас лежал в своей квартире, и вдруг его захлестнула волна тошноты, панического страха. Ему показалось, что в комнате кто-то есть. Он вскочил. В углу стояла фигура — та самая, водяная, о которой шептались местные. Она была сделана из воды, но имела человеческий облик. Она смотрела на него.

— Ты думал, что можешь прийти в наш город и продолжать свою грязную работу? — раздался голос, похожий на шум прибоя. — Ты ошибаешься. Твои грехи уже мертвы. Но ты хочешь прибавить к ним новые.

— Убирайся! — закричал Дарас, бросая в фигуру стул. Стул прошел сквозь неё и разбил окно.

Фигура приблизилась. Её ледяные пальцы коснулись его лица, и Дарас увидел свое будущее. Он увидел, как его разоблачают, как его арестовывают местные жители, как его бросают в море с камнем на шее.

— Нет! — заорал он. — Я уеду! Я уеду завтра!

— Слишком поздно. Ты связал себя кровью этого города. Теперь ты часть цикла.

Фигура исчезла, оставив на полу мокрый след и запах соли. Дарас сидел на кровати, дрожа. Он понял, что если он хочет выжить, ему придется играть по правилам этого города. Но он не умел играть по правилам.

На следующий день Дарас пошел к Селене. Впервые он пришел не с угрозой, а с просьбой.

— Помогите мне, — сказал он, переступив порог библиотеки. — У вас есть сила. Уберите это видение.

Селена посмотрела на него с сочувствием и презрением одновременно.

— Я не могу убрать последствия ваших действий, — сказала она. — Но я могу показать вам дорогу назад.

— К чему назад?

— К человечности.

Она начала рассказывать ему о своей вере, о том, что океан не убивает просто так — он очищает. Дарас слушал, и впервые в его душе зашевелились ростки сомнения. Но когда он вышел из библиотеки, он увидел Элиаса Блэка, который стоял у входа с кислой улыбкой.

— Доктор, — сказал адвокат. — Наш общий друг Лукас Морено приглашает вас на обед. Он хочет предложить вам кое-что... более прибыльное.

Дарас, ослепленный надеждой на деньги и власть, согласился. Он поехал в особняк, который был восстановлен после разрушений. Лукас Морено выглядел иначе — спокойным, но в его глазах горел тот же голод, что и у самого Дараса.

— У меня есть план, — сказал Лукас. — Мы восстановим этот город как зону полной свободы. Но нам нужно убрать Селену. Она — моральный тормоз. Люди должны забыть о страхе и начать жить по-старому. Тратить, пить, развлекаться.

— И моя роль? — спросил Дарас, чувствуя знакомый азарт заговора.

— Ты — наш главный козырь. Ты умеешь уничтожать бесследно. Сделай так, чтобы Селена исчезла. Не убивай. Просто... выведи из игры. Отправь в психушку. Сделай так, чтобы никто не поверил её "видениям".

Дарас колебался. Внутренний голос, которому он никогда не доверял, кричал, что это самоубийство. Но жадность и страх (а вдруг Селена расскажет обо всём?) победили. Он кивнул.

Дарас разработал план. Он пригласил Селену в клинику под предлогом консультации для её матери. В кабинете он заранее распылил психотропное средство, которое вызывало галлюцинации и паранойю.

Селена пришла. Она была настороже, но не ожидала ловушки.

— Ваша мать в порядке, — мягко сказал Дарас, закрывая дверь. — Но я хотел поговорить с вами о ваших... дарах.

— Вы хотите меня отравить? — прямо спросила Селена.

— Я хочу, чтобы вы перестали видеть то, чего нет.

Он повернул вентиль на стене, и в комнату поплыл газ. Селена почувствовала головокружение. Она упала на колени. Но вместо того чтобы впасть в истерику, она начала смеяться.

— Ты думаешь, что это остановит меня? — прошептала она. — Я связана с океаном. Ты не можешь отравить то, что уже пережило смерть.

Внезапно свет в кабинете погас. Дарас услышал шипение, а затем по полу хлынула вода. Она поднялась до колен, до пояса, до груди. Селена стояла в центре комнаты, и из её глаз струился зеленый свет.

— Ты сделал свой выбор, Дарас, — сказала она голосом, в котором звучало тысяча голосов. — Ты выбрал тьму.

Дарас бросился к двери, но она была заперта. Он кричал, колотил в неё кулаками, пока вода не начала заполнять его легкие. Он тонул. Тонул в операционной, где он сам умертвил столько людей.

Он потерял сознание.

Дарас очнулся в той же библиотеке. Селена сидела напротив, абсолютно сухая, как будто ничего не произошло. Вокруг стояли выжившие старейшины города — те, кто помнил "Первую Ночь".

— Ты хотел играть в Бога, — сказал один из них. — Ты думал, что можешь вернуть всё, что мы уничтожили ценой наших душ. Но ты не понял главного: этот город больше не принадлежит грешникам.

Дарас упал на колени. Впервые в жизни он почувствовал страх не перед тюрьмой или местью, а перед тем, что он стал тем злом, которое теперь не прощают.

— Я... я сделаю всё, что скажете, — прохрипел он. — Помогите мне.

— Ты уже попросил помощи, — ответила Селена. — И мы дадим тебе шанс. Но не здесь.

Она подошла к нему и коснулась его лба. Дарас увидел перед собой не город, не клинику, а огромный белый коридор. Это была клиника в России. Его клиника. Но сейчас он был не врачом, а пациентом. Он лежал на каталке, и над ним склонилась медсестра с лицом его последней жертвы.

— Вы чувствуете боль? — спросила она.

И Дарас закричал. Он чувствовал всё — каждую каплю страха, которую он влил в своих пациентов. Это был не физический ад. Это был ад осознания.

Дарас провел в этом видении три дня. Когда он пришел в себя, он был в своей квартире. Рядом сидел Лукас Морено, но теперь он смотрел на Дараса не как на союзника, а как на врага.

— Ты облажался, доктор, — сказал Лукас. — Ты хотел убить Селену. Ты чуть не разбудил океан снова. Люди ненавидят тебя. Я не могу защитить тебя.

— Я должен что-то сделать, — прошептал Дарас. — Я должен искупить.

Он встал, чувствуя слабость, и вышел на улицу. Город жил своей обычной жизнью, но теперь Дарас видел его по-другому. Каждый прохожий казался ему обвинителем. Он пошел в библиотеку, но Селена не пустила его.

— Твоё искупление не в словах, — сказала она. — Иди в госпиталь. Помогай бедным, тем, у кого нет денег. Работай бесплатно. Если ты выдержишь год, возможно, океан тебя простит.

Дарас согласился. Он продал свои драгоценности, часы, отдал деньги на благотворительность. Он устроился в бесплатный медицинский пункт в трущобах. Там он столкнулся с болезнями, которые не лечатся лекарствами: голод, отчаяние, нищета. Он впервые видел людей не как "клиентов", а как страдающих существ.

Однажды к нему пришла женщина с ребенком. Мальчик задыхался от астмы. Дарас сделал ему укол, массаж, спас жизнь. Женщина заплакала и поцеловала его руку.

— Спасибо, доктор, — прошептала она.

И Дарас впервые за десятилетия заплакал. Он плакал от стыда и от того, что когда-то он не чувствовал ничего.

Однажды ночью Дарас снова увидел водяную фигуру. Она стояла на пороге его комнаты, но уже не угрожала.

— Ты начал путь, — сказала она. — Ты признал свою слабость. Это первый шаг.

— Что я должен делать дальше? — спросил Дарас.

— Живи. Помни. И когда придет час, расскажи свою историю. Расскажи, как город грешников сломал тебя. Чтобы другие не повторяли твоих ошибок.

Фигура растаяла, оставив лишь привкус соли на губах Дараса.

Прошло ровно 12 месяцев. Дарас Фильчуков стал другим человеком. Он больше не носил дорогих костюмов, не брился каждый день, не смотрел на людей с презрением. Он жил в маленькой комнате над аптекой, где работал по ночам, делая уколы, перевязки и спасая жизни тех, кто не мог заплатить.

Санта-Крус-дель-Сур медленно возрождался как обычный город. Туристы начали возвращаться, но теперь здесь висели таблички с правилами безопасности и морали. В школах учили истории проклятия, чтобы дети знали: свобода без ответственности ведет в ад.

Однажды Дарас встретил Селену на набережной.

— Ты выдержал, — сказала она. — Я вижу, что свет в твоих глазах изменился. Но знай: прошлое никогда не исчезает. Оно живет в тебе. Ты должен нести это бремя до конца дней.

— Я знаю, — ответил он. — Я никогда не буду прежним. Может быть, так и надо.

Он посмотрел на океан. Волны мирно накатывали на берег. И в этом шуме он больше не слышал криков. Он слышал тишину. Или, может быть, прощение.

Эпилог:

Дарас Фильчуков умер через два года, во время нового шторма. Но не от воды — от старости и изнеможения. Он оставил письмо, которое нашли в его комнате:

"Если вы читаете это, значит, я не ушел в никуда. Я был убийцей. Я был тем, кто думал, что может купить совесть. Этот город показал мне, что совесть нельзя купить — её можно только заслужить. Я возвращаюсь в воду, но я оставляю здесь предупреждение: не идите моим путем. Ибо океан видит всё. И рано или поздно он приходит за каждым грешником".

Письмо было отправлено в российское посольство, но так и не дошло. Вместо этого оно попало в библиотеку Селены, став ещё одним томом в архиве "Города Грешников".

Закон Бездны

Пролог: Архитектор Хаоса

Он прибыл на частном самолёте, который арендовал на подставное лицо. В иллюминаторе мелькал океан — бесконечный, синий, равнодушный. Мосийчук поправил запонки из белого золота и улыбнулся собственному отражению в стекле. Он любил начинать новые игры.

Аристарх Петрович Мосийчук был юристом. Но не простым. Он был тем, кого в узких кругах называли "архитектором теней". Если вы хотели легализовать наркотрафик через офшоры, обанкротить конкурента с помощью подставных исков или повернуть сделку на грани Уголовного кодекса — вы шли к нему. Он не нарушал законы. Он их *интерпретировал*. Он находил дыры там, где их не было, и превращал их в ворота для грязных денег.

Но в России стало жарко. Слишком много внимания. Слишком много вопросов к его конторе. И он выбрал Санта-Крус-дель-Сур — город, который, по слухам, пережил две волны очищения. Там было беспокойно, а значит, там можно было заработать. Хаос — лучший друг юриста.

В аэропорту его встретил Лукас Морено. Теперь Лукас был другим — похудевшим, с сединой на висках, с глазами, в которых застыла вечная печаль. Он всё ещё был богат, но уже не стремился к прежней жизни. Он пытался держать город в узде, быть моральным компасом.

— Мистер Мосийчук, — сухо сказал Лукас, пожимая руку. — Мне сказали, вы хотите инвестировать в восстановление города.

— Хочу, — Мосийчук сиял. — Я вижу огромный потенциал. Туризм вернётся. Нужно только грамотное юридическое сопровождение. Я слышал, у вас тут были... эээ... экспессы.

— Мы пережили трудные времена, — Лукас посмотрел на океан. — Многие потеряли близких.

— Потеря — это всего лишь юридический термин, — усмехнулся Мосийчук. — За ней всегда следует компенсация или страховка. Я помогу вам всё оформить правильно.

Лукас поморщился. Что-то в этом человеке было неправильное. Слишком сладкая улыбка, слишком хищный взгляд. Но ему нужны были деньги на восстановление больниц и школ. Он был вынужден согласиться.

Мосийчук заселился в лучший номер отеля "Ривьера" и сразу же взялся за дело. Он не приехал сюда ради туризма. Он приехал ради земли. Вся береговая линия была в процессе банкротства после прошлогодних катастроф. Многие владельцы отелей бежали. И Мосийчук планировал скупить всё за бесценок, переоформить через подставные компании, а затем перепродать новым богачам, которые не знали истории этого места.

План был идеален. Кроме одной детали: он не знал, что в этом городе действительно работает мистический закон, и что за каждым его шагом следит тот, кого он не мог подкупить.

Первая неделя прошла как в тумане. Мосийчук встречался с мэром, с местными банкирами, с владельцами разрушенных вилл. Он говорил на языке цифр и контрактов, и люди велись. Его репутация работала на него: здесь знали, что он может "решить вопрос".

Но однажды вечером, прогуливаясь по набережной, он заметил странную женщину. Она стояла у кромки воды и смотрела в море. Ветер трепал её седые волосы. Она была старой, морщинистой, но её глаза — ярко-зелёные, как водоросли — смотрели на него с таким знанием, что у Мосийчука побежали мурашки.

— Вы новый человек в нашем городе, — сказала она, не оборачиваясь. — Вы принесли с собой бумаги, которые пахнут ложью.

— Прошу прощения? — он нахмурился, не привыкший к фамильярности.

— Вы хотите купить землю. Но земля не продаётся. Она сдаётся в аренду тем, кто её уважает. Вы же пришли, чтобы взять. — Она медленно повернулась. — Меня зовут Селена Ривера. Я хранительница библиотеки. И я предупреждаю вас: океан не прощает тех, кто пытается нажиться на чужой боли.

Мосийчук усмехнулся. Он слышал о ней. Местная сумасшедшая, которая выжила после цунами и теперь вообразила себя шаманкой.

— Милая леди, — сказал он, протягивая визитку. — Если у вас есть юридические вопросы, обращайтесь. Я решаю любые проблемы. Даже те, что называются "мистическими".

Она не взяла визитку. Вместо этого она поднесла к его лицу старую ракушку. Мосийчук отшатнулся, услышав странный шум — словно тысячи голосов шептали его собственные мысли вслух. Он увидел на мгновение лица людей, которых он разорил, судей, которых подкупил, женщин, которых предал.

— Что это? — выдохнул он, теряя самообладание.

— Это ваша совесть. Она ещё жива. Но если вы продолжите, она умрёт. А тогда..., тогда море заберёт вас без сожаления.

Она ушла, оставив Мосийчука в замешательстве. Он выругался, швырнул визитку в воду и пошёл в бар. Он не верил в мистику. Но внутри него засело странное беспокойство.

Через три дня Мосийчук нашёл себе союзника. Им оказался Родриго Салазар — бывший полицейский, уволенный за коррупцию, а теперь работающий частным детективом. Родриго знал всё о городе: кто кому должен, кто с кем спит, у кого какие тайны.

— Ты хочешь купить землю? — хмыкнул Родриго, попивая виски в полумраке бара. — Это не лучшая идея. После того, что случилось, люди боятся даже близко подходить к воде.

— Люди — стадо, — отрезал Мосийчук. — Ими можно управлять. Скажи мне, кто здесь главный препятствие? Кто мешает нормальному бизнесу?

— Селена Ривера, — без колебаний ответил Родриго. — Она — совесть этого города. Пока она жива, никто не посмеет вернуться к старым порядкам. Все эти "правила безопасности", "моральные кодексы" — это её рук дело. Она убедила людей, что океан — живой.

— Значит, нужно убрать её с дороги, — спокойно сказал Мосийчук.

— Ты не понимаешь, — Родриго понизил голос. — Её пытались убить. Доктор Фильчуков пытался. Она выжила. Более того, она уничтожила его морально. Он работал бесплатно в трущобах, пока не умер.

— Я не Фильчуков, — Мосийчук улыбнулся холодной улыбкой. — Я действую не грубо. Я действую юридически. Я сделаю так, что она станет не "святой", а "сумасшедшей, опасной для общества". Суд признает её недееспособной. И мы отправим её в лечебницу далеко отсюда.

Родриго задумался. Он знал, что игра опасна. Но гонорар, который предложил Мосийчук, был огромен.

— Если нас поймают... — начал он.

— Нас не поймают, — перебил Мосийчук. — Потому что мы будем действовать в рамках закона. Я всё продумал.

Мосийчук начал операцию. Он подал иск в суд от имени "Гражданской инициативы за безопасность", которую он сам же и создал. В иске утверждалось, что Селена Ривера своими "окультистскими сеансами" наводит страх на жителей, мешает экономическому развитию и нарушает общественный порядок.

Он подкупил двух свидетелей — местных алкоголиков, которые согласились показать, что Селена якобы угрожала им "водяными духами". Он подготовил "психологическую экспертизу", подписанную липовым доктором из соседнего города, которая гласила, что Селена, страдает "религиозным бредом".

Процесс длился два месяца. Селена защищалась молча. Она смотрела на Мосийчука с грустью, а не с ненавистью. Её адвокат был слаб, запуган. И когда судья, уже подкупленный

Мосийчуком, вынес решение о принудительной госпитализации на три года, в зале заседаний повисла мёртвая тишина.

— Вы этого хотели? — спокойно спросила Селена, обращаясь к Мосийчуку, когда её уводили. — Вы хотели отнять у города его голос?

— Я хочу, чтобы город процветал, — ответил он, поправляя галстук. — Без лишних суеверий.

— Море не суеверие, — сказала она, и в её глазах мелькнул зелёный свет. — Оно придет. И когда оно придёт, вы увидите, что ваши бумаги не стоят ничего.

Её увели. Мосийчук почувствовал облегчение, смешанное с тревогой. Но он отогнал тревогу. Теперь ничто не мешало ему начать скупку земли.

Мосийчук скупил три отеля и пять гектаров пляжной зоны за смешные деньги. Он планировал построить роскошный курорт — казино, ночные клубы, приватные виллы. Он даже придумал название: "Новый Вавилон". Ему казалось, что он гений. Он переиграл систему. Он победил даже смерть.

Но город начал меняться. Люди, верившие в Селену, собирались у её опустевшего дома. Они молились, пели старые песни. Мосийчук смеялся над ними.

— Фанатики, — говорил он Родриго. — Они скоро устанут.

Но уставать они не собирались. Более того, начали происходить странные вещи. На стройках "Нового Вавилона" постоянно ломалась техника. Бетон застывал неправильно. Рабочие жаловались на кошмары, в которых их топило в зелёной воде. Один из прорабов сошёл с ума и выпрыгнул из окна пятого этажа.

Мосийчук вызвал Родриго.

— Кто это делает? Конкуренты?

— Нет, — ответил Родриго, бледный. — Я проверил все камеры. Никто не входил на стройку ночью. Но техника выходит из строя сама по себе. Как будто кто-то... ломает её изнутри.

— Чушь, — отмахнулся Мосийчук. — Просто халтурщики-строители.

Но в ту же ночь он услышал шум в своей квартире. Он встал, включил свет. Никого не было. Но на полу, на белом мраморе, был мокрый след. След человеческой ноги. И он вёл к окну.

Мосийчук решил, что ему нужно укрепить свои позиции. Он пригласил журналистов из крупных европейских изданий, чтобы показать, что город снова открыт для туризма. Он устроил грандиозную вечеринку на той самой яхте, где когда-то веселился Лукас Морено до своего падения.

На вечеринке было много гостей: богатых, красивых, пьяных. Мосийчук произносил тосты за "новую эру". Но когда музыка заглохла, и заиграли медленные мелодии, он заметил в толпе знакомое лицо. Селена.

Но это была не она. У этой женщины было такое же лицо, но её глаза были полностью чёрными, без белков. Она улыбнулась ему, и в этой улыбке была бездна.

— Ты не мог её упрятать, — сказала она голосом, похожим на скрип мокрого песка. — Она — часть океана. Ты запер тело, но дух остался. И теперь он будет приходить к тебе каждую ночь.

Мосийчук в панике побежал к борту. Он хотел позвать охрану, но его голос сел. Женщина исчезла. На палубе осталась только лужа воды и несколько мёртвых рыб.

Гости ничего не заметили. Они продолжали танцевать, смеяться, пить шампанское. А Мосийчук стоял, вцепившись в поручни, и чувствовал, как реальность ускользает из-под ног.

Отчаявшись, Мосийчук решил пойти на крайний шаг. Он нашел в городе старую женщину по имени Мария, которая жила на окраине и, по слухам, была ведьмой. Он пришёл к ней с золотом и попросил защитить его от "водяных духов".

Мария была похожа на мумию. Её пальцы, скрюченные артритом, дрожали, но глаза горели азартом.

— Ты хочешь защиту от того, что само является законом? — прошамкала она. — Ты глуп. Море — это суд. Ты не можешь откупиться от суда.

— Я могу откупиться от чего угодно, — рявкнул Мосийчук, теряя терпение. — Сколько?

— Не деньги, — покачала она головой. — Чтобы обмануть море, нужно принести жертву. Кровь. Невинную кровь.

Мосийчук заколебался. Он убивал людей? Нет, он только разорял, доводил до самоубийств, подставлял. Но напрямую никогда не убивал. Однако страх оказался сильнее морали. Он кивнул.

— Я найду тебе жертву, — сказал он.

Он запланировал убийство маленькой девочки, дочери одного из строителей, который протестовал против строительства. Девочка часто играла на пляже. Мосийчук подкупил сомнительного типа, чтобы тот утопил ребёнка ночью и представил всё как несчастный случай.

В ночь, когда должно было произойти убийство, Мосийчук ждал у себя в офисе. Он пил виски, смотрел на часы. Но убийство не произошло. Его подручный, которого он нанял, внезапно явился к нему с перекошенным лицом.

— Я не могу, — прошептал он. — Она... она как будто знала. Она смотрела на меня, и я видел в её глазах... я видел мёртвых. Она сказала: "Иди к Мосийчуку и скажи ему, что море уже всё решило".

Мосийчук в ярости схватил подручного и начал трясти. В этот момент в офисе погас свет. За окном начался шторм. Туча, которой не было в прогнозах, накрыла город. Дождь хлынул стеной. Вода начала просачиваться сквозь стены.

— Это вода! — закричал подручный. — Она везде!

Мосийчук бросился к выходу, но дверь не открывалась. Он услышал голос — тот самый, водяной, женский, но уже не от Селены. Это был сам океан.

— Ты хотел продать мою землю, — сказал голос. — Ты хотел отнять у меня голос. Ты хотел убить дитя. Теперь твой суд, Аристарх.

Из пола, из стен, из потолка хлынула вода. Она заполнила кабинет за секунды. Мосийчук захлебнулся, пытаясь глотнуть воздух, но воздух стал водой. Он тонул в собственном офисе, в окружении своих контрактов и печатей.

Он потерял сознание.

Мосийчук очнулся в чёрном пространстве. Вокруг не было ничего, кроме воды. Вода была везде — под ногами, над головой, внутри его лёгких. Но он дышал. Он стоял на поверхности, и перед ним стоял суд. Суд из призраков тех, кого он разорил, чьи жизни разрушил.

— Ты думал, что законы человеческие — это всё, — сказал голос, принадлежавший и Селене, и океану одновременно. — Но есть закон Бездны. И он неумолим.

Мосийчук упал на колени. Он умолял, плакал, впервые в жизни чувствуя себя беспомощным. Его миллионы, его связи, его умение манипулировать — всё это было бесполезно здесь.

— Я исправлюсь! — кричал он. — Я отдам всё! Я построю храм! Я уеду!

— Ты хотел жертвы, — прозвучал приговор. — Ты получишь её. Но не чужую. Свою.

Ему показали его будущее: он будет жить, но станет прозрачным для всех. Люди будут проходить сквозь него. Его деньги исчезнут. Его имя будет стёрто. Он станет призраком в городе, который он хотел поработить.

— Нет! — завопил он. — Я хочу жить!

— Ты будешь жить, — ответил голос. — Но ты будешь помнить каждую секунду, что ты мертв для мира.

Мосийчук пришёл в себя в своей квартире. Всё было сухо. Но когда он подошёл к зеркалу, он не увидел своего отражения. Он провёл рукой по лицу — и почувствовал кожу. Но зеркало показывало пустое место.

Он выбежал на улицу. Люди проходили мимо, не замечая его. Он тронул одного за плечо — мужчина вздрогнул, обернулся, но посмотрел сквозь него.

— Кто здесь? — пробормотал мужчина и ушёл.

Мосийчук попытался зайти в отель, но его не пустили. Охрана смотрела на дверь, где он стоял, но не видела его.

Он стал тенью. Он не умер, но потерял свою сущность. Он бродил по городу, который хотел переделать под себя, и видел, как все его планы рушатся. Земля, которую он купил, была передана обратно городу его же нотариусом, который "почему-то" решил, что так будет правильно.

Селена вышла из лечебницы через неделю. Судья, подкупленный Мосийчуком, признал свою ошибку и вернул ей свободу. Город снова обрёл свой голос.

Прошёл год. Мосийчук всё ещё был призраком. Он не мог есть, пить, трогать вещи. Он мог только наблюдать. Он видел, как Санта-Крус-дель-Сур расцветает уже по-настоящему — без порока, без вседозволенности, с уважением к океану.

Однажды он пришёл к Селене в библиотеку. Она сидела за столом и читала книгу.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала она, не поднимая головы. — Я чувствую твою боль.

— Помоги мне, — прошептал Мосийчук, хотя знал, что она не слышит его голоса.

Она подняла голову и посмотрела прямо в пустоту, где он стоял.

— Ты получил то, что хотел. Ты хотел быть хозяином жизни. Теперь ты — свидетель жизни. Учись видеть.

Мосийчук не мог плакать, но он заплакал душой. Он видел красоту, которой раньше не замечал, счастье простых людей, дышащих этим солёным воздухом. Он понял, что погубил себя не океан, а его собственная алчность.

Он исчез окончательно через три года. Местные говорят, что иногда, в прилив, можно увидеть на берегу прозрачную фигуру в дорогом костюме, которая стоит и смотрит на воду. Она не угрожает. Она просто ждёт, когда его отпустят.

Но океан не отпускает. Он учит.

Эпилог:

История Мосийчука стала легендой в Санта-Крус-дель-Сур. Её рассказывают детям, чтобы они знали: законы человеческие важны, но есть законы, которые выше — закон совести и закон природы. И если ты пытаешься обмануть их, ты обманешь только себя.

Город Грешников стал Городом Памяти. Жители возвели на месте разрушенных казино парки и школы. На каждом столбе на набережной вырезали предупреждение: *"Не пытайся играть с бездной. Бездна всегда выигрывает"*.

В библиотеке Селены хранится дневник Мосийчука — текст, который он написал, будучи призраком. Он был найден на столе, как будто кто-то его оставил. Последняя строка гласила:

"Я родился юристом, а умер тенью. Помните: не бывает сделок, в которых вы выигрываете, а правда проигрывает. Правда всегда возвращается. Иногда — водой."

Желудок Бездны

Ягомат Шепирдович любил две вещи: власть и еду. Впрочем, для него это были синонимы. Власть давала доступ к самой изысканной (и самой пахучей) пище на свете. А еда, в свою очередь, давала силы вершить судьбы.

Он был прокурором города Санта-Крус-дель-Сур. В официальных документах — главным блюстителем закона. На деле — главным дегустатором взяток, которые ему подносили в виде трюфелей, икры, ферментированного мяса и других деликатесов, от которых обычного человека вывернуло бы наизнанку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.